

шелк. Из статьи следует, что изгнанному из цеха катартарию пришлось бы превратиться в мистия, продолжать заниматься своим ремеслом, но уже без права продажи, т. е. работать на торговца шелковой пряжей. Таким образом, непосредственный производитель в Византии мог быть более или менее независимым хозяином, членом цеха с возможностями при обогащении перейти в высшие цехи, главным образом торговые,¹ при неудаче — опуститься на положение мистия. Мистий же мог выбраться из своего положения и вступить в цех, если только мог найти пять поручителей, добиться утверждения его приема со стороны эпарха, что было почти невозможно.

Цеховые ремесленники — это привилегированные потомственные константинопольцы; мистии — обнищавшие или пришлые люди.

О тяжелой жизни наемных поденщиков пишет Феодор Студит, который поражался равнодушию поденщиков ко всем волновавшим византийское общество вопросам иконоборчества.

«Когда идет речь о вере, не следует говорить: „Я бедняк, зарабатывающий только дневную пищу! Меня не касается речь и забота об этом предмете!“ Но хотя бы ты был и низким, безрассудно говорить: „какая мне о том забота“».²

Эти ἐργολάβοι, „принимающие работу“, как и все лица, указанные в гл. XXII „Книги эпарха“, — внецеховые ремесленники. Но вряд ли следует в них видеть рабочих мануфактур: ни из „Книги эпарха“, ни из агнографических памятников нельзя извлечь никаких данных о наличии в Византии частных мануфактур. Крупные мастерские, находившиеся в ведении государства, обслуживались не наемниками, но рабами и принудительными работами.

К. Маркс называет Константинополь „главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе“.³ Именно наемные рабочие и были наиболее обездоленными людьми того времени. Несмотря на то, что они были людьми „свободными“, их положение в сущности было даже хуже, чем положение рабов и крепостных. „Существование раба обеспечено личной выгодой его владельца; у крепостного есть, по крайней мере, кусок земли, которым он живет; оба они гарантированы, по меньшей мере, от голодной смерти; пролетарий же предоставлен исключительно себе самому...“⁴ Хотя наемного рабочего X в. („мистия“) нельзя считать пролетарием в современном смысле этого слова, но сказанное Ф. Энгельсом в большой мере может быть отнесено и к „мистиям“.

Вопросы ученичества не ставились особо в „Книге эпарха“. Но наличие учеников бесспорно (упоминания в главах о керулариях).⁵ В агнографических памятниках часто говорится об учениках ремесленных мастерских, причем обычно они работали за плату, так что их положение не отличалось от положения мистия. В цехе табулляриев обучение учеников было возложено на специальных лиц *χορικοί* и *παιδοδιδάσκαλοι*.⁶ Возможно, что и в некоторых других профессиях, требующих высокой квалификации, существовали подобные же специальные учителя. В „Василиках“ говорится о каких-то ἐργοδιδάσκαλοι (или, в других списках, — ἄλλων ἐργῶν διδάσκαλοι), т. е. об учителях разных профессий; в латинском тексте этому выражению соответствует: „Aliorum

¹ Кн. Эп. VII, 3.

² Patr. gr., v. 99, p. 1321.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 193.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 408.

⁵ Кн. Эп. XI, 1.

⁶ Кн. Эп. I, 16.